

Германские школы и университеты эпохи Реформации в советской педагогической и исторической литературе

Изучение образования в Германии эпохи Реформации – как и любой другой темы – невозможно без учета уже сделанного предшественниками. Отдельного изучения заслуживает педагогическая и историческая литература советского периода, обладающая рядом качественных отличий от трудов авторов XIX – начала XX вв.

Начать рассмотрение вопроса следует с работы Е.Н. Медынского [8] – первого советского учебника по истории педагогики (созданного на основе лекций, которые автор читал студентам в середине 20-х гг.). Оригинальность работы – не в привлечении новых источников, а в переосмыслении уже известных. И до нее, в дореволюционных трудах по истории педагогики, уделялось внимание периоду Реформации [4; 9]. Однако их авторы, вводя в оборот отечественной науки ряд фактов из истории образования эпохи Реформации, не анализировали качественных изменений, происходивших в немецких школах в XVI веке. Преобладал эволюционистский подход, подчеркивающий «органическую связь настоящего с прошедшим» [9, с. 272].

Стремление Е.Н. Медынского построить исследование на новых принципах (в том числе – и по сравнению с зарубежными авторами) видно уже в названии работы. Если, например, у К. Шмидта [21] история педагогики связана «с культурной жизнью народов», то Е.Н. Медынский излагает ее «в связи с экономическим развитием общества». Во введении автор приводит следующую схему построения разделов своего курса:

- 1) краткий очерк экономических и классовых отношений;
- 2) краткое рассмотрение идеологии данного общества;
- 3) состояние воспитания в обществе, основные педагогические идеи;
- 4) отражение в этих идеях экономических отношений и идеологии [8, с. 9–10].

Данный подход может показаться несколько социологичным, слишком упрощенным. Однако он давал возможность изучать историю педагогики как составной элемент жизни общества, а не как некую изолированную сферу. Он подчеркивал связь этой области культуры с конкретными, поддающимися исследованию факторами, а не с абстрактной «мировой идеей» [9, с. 272] или «национальным духом» [21, с. 5]. В этом – безусловное достижение автора.

Наряду с некоторыми упрощениями в характеристиках, в том числе – по интересующему нас периоду (типа: «Лютер – педагог мелкой буржуазии» [8, с. 141]), Е.Н. Медынскому принадлежат и важные замечания о социальной стороне педагогики Лютера, о его взглядах на материальное обеспечение школ, обязательное обучение детей, значимость учительского труда [8, с. 143–144].

При этом автор опирался на педагогические произведения реформатора. Затронуты и другие проблемы эпохи, в частности – соединение в образовании принципов гуманизма и Реформации (на примере Меланхтона) [8, с. 147], организация школ [8, с. 149–153].

Работа Е.Н. Медынского, несмотря на некоторые недостатки, явилась безусловным шагом вперед в развитии истории педагогики, впервые освещая ее в марксистском ключе. Это, в частности, относится и к разработке проблемы образования эпохи Реформации.

Однако в дальнейшем ее исследование, по сути, надолго было прекращено. В 30-е гг. новых учебников по истории педагогики не появилось. В «Очерках истории Западной Европы XVI – XVII вв.» П.П. Щеголева [22] – первом советском учебнике по истории этого периода – при освещении Реформации в Германии основное внимание уделялось экономике, политике и классовой борьбе; вопросы культуры же рассматривались лишь на примере немецкого гуманизма начала XVI в. События 1525–1555 гг. характеризовались как «княжеская реформация», их основное содержание сводилось к «борьбе протестантских князей с императорской властью» [22, с. 121]. Изменений, происходивших в это время в немецких школах, автор не касался. Упоминания о них можно встретить разве что в кратких характеристиках источников в «Хрестоматии по истории педагогики» [19].

В период Великой Отечественной войны к этой теме также не обращались. В это время главной задачей было изучение героического прошлого народов Советского Союза, их борьбы с захватчиками. Исследование же образования зарубежных стран (в особенности – Германии) оказывалось явно несвоевременным. Что касается исторических работ второй половины 40-х годов, то, по замечанию О.Е. Кошелевой, для них характерно отстаивание принципа «Мы ни в чем не хуже» – «своеобразно понимаемый патриотизм», когда «здравый взгляд на определенную отсталость страны вызывал обвинения в очернительстве и космополитизме» [7, с. 87].

Эти тенденции во многом выражает статья М.Ф. Шабаевой [20]. Написанная в разгар борьбы с космополитизмом, она отразила как определенные достижения советской истории педагогики, так и явное идеологическое давление на науку. Вполне справедливо замечание автора, что для определения характера и масштаба педагогической системы нужно показать ее связь с условиями существования и задачами тех социальных сил, чьи интересы эта система выражает [20, с. 7]. Однако реализация выдвинутых в статье задач повышения идейно-политического уровня преподавания истории педагогики (в частности, «яркий показ превосходства русской дореволюционной педагогики над западной педагогией» [20, с. 13]), по сути, неизбежно вела к одностороннему, искаженному взгляду на те или иные проблемы этой науки.

Доказательство тому – появившиеся в 1952 году «Очерки по истории педагогики» [10]. В объемном труде, где история педагогики рассматривалась с древнейших времен, всей педагогике

XVI века было уделено... полторы страницы. При освещении Реформации упоминалось ее «известное влияние на школу в XVI веке» (и не больше); Лютер характеризовался как «основатель «школы религиозного назидания и национализма»; было отмечено влияние Реформации на возникновение государственных, т.е. княжеских школ [10, с. 31]. Но масса вопросов – положение образования перед Реформацией, деятельность гуманистов до начала и в период Реформации, теоретические взгляды Лютера как педагога, практическая организация школ – не была затронута. Соответственно не был выяснен главный вопрос: каково же значение Реформации для развития образования вообще? Предложенный читателю материал «Очерков...», по сути, сводил это значение к конфессиональной борьбе протестантов против католиков; связь образования с социальными и политическими изменениями (которую изучал Е.Н. Медынский) оставалась невыясненной.

А последующие учебники по истории педагогики [6; 5] вообще выпустили тему образования эпохи Реформации из поля зрения. В первом из них Возрождение характеризовалось только на примере гуманистов: упоминались «Дом радости» Витторио да Фельтре, произведения Франсуа Рабле и Томаса Мора; подчеркивалось, что их программа разрабатывалась для ограниченного круга лиц [6, с. 28–29]. Даже признавая эту оценку, нельзя сводить все педагогическое значение данной эпохи лишь к деятельности трех (пусть и выдающихся) людей, представлявших одно идейное течение – гуманизм. А между тем и в другом учебнике, появившемся пятнадцать лет спустя, Возрождение определялось как «гуманистическая культура», выдвигавшая «передовые требования», но «не связанная с борьбой за широкие интересы народных масс». Оценка этой культуры сводилась к характеристике произведений Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы [5, с. 17–19]. О педагогическом наследии Реформации (и вообще о самой Реформации) ни словом не упоминалось.

Две последние работы могут быть отнесены, по выражению О.Е. Кошелевой, к «позитивизму под маской марксизма», к исследованиям, «сводящимся к выявлению и описанию локальных исторических фактов» без включения в общую историческую перспективу [7, с. 87]. В отборе этих фактов и их оценке также сказывалась «тенденция писать историю в черно-белых тонах: все народное, пролетарское – хорошо, все феодальное, буржуазное, церковное – плохо» [7, с. 88]. Такое сложное явление, как Реформация, явление, не поддающееся однозначной оценке, на некоторое время было попросту изъято из истории педагогики.

Сказанное, однако, не означает, что те или иные аспекты проблемы не разрабатывались в литературе. Дело, временно оставленное историками педагогики, в какой-то мере продолжили специалисты по всеобщей истории. Особо отметим деятельность Комиссии по проблемам культуры Возрождения под руководством В.И. Рутенбурга. Ею были организованы конференции

по различным вопросам культуры, искусства, общественной мысли эпохи Возрождения; материалы этих конференций публиковались в ряде сборников. Среди них следует выделить сборник «Культура эпохи Возрождения и Реформация», содержащий методологические замечания, ценные для изучения образования названного периода. Это и необходимость сопоставить два явления одной эпохи – Возрождение и Реформацию, – чтобы определить их взаимное проникновение, влияние друг на друга [12, с. 7]. Это и указание на то, что иррациональное мировоззрение средневековья не могло быть преодолено в результате одного рывка – даже такого титанического, как гуманизм [17, с. 38]. Это и вывод о том, что, хотя гуманизм расчистил дорогу Реформации, он был вытеснен ею [11, с. 40]. Представляет интерес и конкретное исследование воздействия публицистики эрфуртских гуманистов на будущих реформаторов, сближения гуманистов и реформаторов после 1525 года [1]. Хотя авторы и не ставили целью исследовать педагогику этой эпохи, результаты их работы нужно учитывать при рассмотрении проблемы в комплексе с близкими ей темами.

Встречались в литературе и отдельные упоминания педагогических работ Лютера – без рассмотрения их содержания [13, с. 80–81] либо с краткой характеристикой [16, с. 265–266]. Однако подробный анализ этих произведений – тем более, в связи с общественной ситуацией, вызвавшей их появление, – не проводился.

Изменения в изучении проблемы наступили со второй половины 80-х годов. Думается, причины этого следует искать как внутри науки, так и во внешних факторах. Накопление большого количества материала требовало обобщения; этому обобщению способствовал постепенный отход от жестких, утвердившихся в исторической науке определений роли того или иного явления. И то, и другое относится к Реформации. Ряд вопросов этой проблемы теперь получил детальное освещение.

Пример этого – работа Т.Н. Таценко [18]. Автор рассматривает вопрос, который прежде, по сути, выпадал из поля зрения исследователей: положение городских школ до начала Реформации, а также ее влияние на их развитие. Рассматривая педагогическую практику Реформации, автор приходит к выводу о двойственном влиянии Реформации на школу: повышение престижа немецкого языка, более тщательный отбор учителей – и распространение протестантской идеологии, ужесточение контроля над образованием [18, с. 151].

Вопросы реформационной школы рассматривались и другими авторами. Так, появилась работа А.А. Гаврюшенко, изучающая деятельность Филиппа Меланхтона [2]. Характеризуя положения трактата «Об улучшении воспитания юношества» (1518 г.), автор подчеркивает: задуманная Меланхтоном реформа образования могла осуществиться лишь при условии «нанесения решительных ударов по католической теологии» [2, с. 12–13]. «Важнейшим

достижением» Меланхтона А.А. Гаврюшенко называет превращение им христианского гуманизма в орудие демократической педагогики [2, с. 22].

В 1986–1991 гг. был также выпущен ряд сборников, подготовленных Лабораторией истории школы и педагогики за рубежом при НИИ общей педагогики АПН СССР (с участием историков ряда отечественных вузов). В.Г. Безрогов и К.И. Салимова, руководившие этой работой, во введении к сборнику «Гуманистическая мысль, школа и педагогика эпохи позднего средневековья и начала Нового времени» указывают: «Школа и педагогика эпохи позднего средневековья и начала Нового времени не нашли до сих пор достаточного внимания и места в советской историко-педагогической науке». Среди статей по педагогике этого периода были и исследования образования в эпоху Реформации.

Так, С.Л. Савина охарактеризовала лютеровскую «Проповедь о том, что нужно посылать детей в школу», а также деятельность Валентина Троцендорфа, Филиппа Меланхтона, Иоганна Штурма, Михаила Неандра [15, с. 116–118]. Был сделан важный вывод о создании Реформацией своей системы воспитания, соответствующей интересам нарождающегося буржуазного общества [15, с. 119]

Кроме того, С.Л. Савина предприняла попытку анализа русской дореволюционной и советской литературы, посвященной проблеме воспитания и образования в эпоху Возрождения [14].

События начального этапа Реформации затрагиваются в работе Ю.А. Голубкина [3]. Рассматривая произведение «К советникам всех городов земли немецкой...», он обращается к причинам, побудившим Лютера написать его. Автор вкратце характеризует гуманистические преобразования школ, подчеркивает, что в годы Реформации они получили новые импульсы [3, с. 191]. Говоря о «катастрофическом упадке» образования, последовавшем за крушением устоев католицизма, автор отмечает: Лютер понимал неизбежность поражения, если разрушение старого не будет сопровождаться созданием нового (в том числе – школ и университетов) [3, с. 191]. И его образовательная программа стала составной частью комплексной программы преобразования общества [3, с. 192].

Итак, уже в 20-е годы советская историография обратилась к образованию эпохи Реформации, стремясь исследовать его на новой, марксистской основе. Но затем эти исследования были прерваны. В ряде учебников по истории педагогики основное место отводилось крупнейшим педагогам-теоретикам Нового времени (Коменский, Песталоцци, Руссо, Дистервег); обучение и воспитание же предшествующих эпох характеризовались лишь в общих чертах. Однако в 70-е гг. большее внимание стало уделяться культуре эпохи Возрождения в целом, а в 80-е гг. появились специальные исследования по педагогике Германии XVI века, опирающиеся на новые источники.

1. Володарский В.М. Эрфуртские гуманисты и Реформация // Культура эпохи Возрождения и Реформация. – Л., 1981. – С. 151–162.
2. Гаврюшенко А.А. Филипп Меланхтон: гуманист и реформатор (1517–1524 гг.) / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Харьков, 1988.
3. Голубкин Ю.А. Мартин Лютер и его сочинение «К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы» // Школа и педагогическая мысль Средних веков, Возрождения и начала Нового времени (Исследования и материалы). – М., 1991. – С. 190–193.
4. Демков М.И. История западноевропейской педагогики. – М., 1912.
5. История педагогики / Под ред. М.Ф. Шабаевой. – М., 1981.
6. Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаева М.Ф. История педагогики. – М., 1966.
7. Кошелева О.Е. Заметки об историко-педагогическом исследовании // Советская педагогика. 1991. № 6. – С. 85–90.
8. Мединський Є.М. Історія педагогіки у зв'язку з економічним розвитком суспільства. Т. 1. Від первісної родової громади до доби промислового капіталізму. – Харків, 1928.
9. Модзалевский Л.Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. – СПб., 1892.
10. Очерки по истории педагогики / Под ред. Н.А. Константинова. – М., 1952.
11. Петров М.Т. О критериях сопоставления Возрождения и Реформации // Культура эпохи Возрождения и Реформация. – С. 40–49.
12. Рутенбург В.И. Возрождение и Реформация в советской литературе // Культура эпохи Возрождения и Реформация. – С. 4–7.
13. Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. – СПб., 1991.
14. Савина С.Л. Педагогическая мысль эпохи Возрождения // Актуальные проблемы и историография истории зарубежной педагогики. – М., 1987. – С. 70–81.
15. Савина С.Л. Политика Реформации в области образования // Гуманистическая мысль, школа и педагогика эпохи позднего средневековья и начала Нового времени (Исследования и материалы). – М., 1990. – С. 113–121.
16. Соловьев Э.Ю. Непобежденный еретик. Мартин Лютер и его время. – М., 1984.

17. Стам С.М. Гуманизм и церковно-реформационная идеология // Культура эпохи Возрождения и Реформация. – С. 29–39.
18. Таценко Т.Н. Реформация и начальное образование в немецких городах XVI века // Городская культура. Средневековье и начало Нового времени. – Л., 1986. – С. 127–151.
19. Хрестоматия по истории педагогики. Т. 1. – М., 1935.
20. Шабаетва М.Ф. О повышении идейно-политического уровня преподавания истории педагогики в высших педагогических учебных заведениях СССР // Советская педагогика. 1949. № 10. – С. 3–13.
21. Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурной жизнью народов. Т. 3. – М., 1880.
22. Щеголев П.П. Очерки истории Западной Европы XVI – XVII вв. – Л.: Соцэкгиз, 1938.